

Например, О.Е. Баксанский предполагает три типа выражения или развития концепции человеческой телесности. «В первом телесность выступает как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни, во втором — в пространство межличностных связей и в пространство бытия других личностей и в третьем — как свойство, погруженное в культурно-историческое пространство бытия» [12; 150].

Тело, по мнению многих исследователей, есть культурный конструкт, следовательно, проблемы связанные с телом, а вслед за ним и телесности, не могут изучаться вне культурного контекста и вне рамок гуманитарного знания. Телесность человека рассматриваемая как явление социокультурной реальности, приобретает все большую актуальность и является одним из приоритетных направлений изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальцева Р.А. К определению места «новых философов» в новейшей философии // Общество. Культура. Философия. М.: 1983. С. 254-260.
2. Эпштейн М. Тело на перекрестке времен. К философии осязания // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 66-81.
3. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 35-54
4. Травайо И. Социология телесных практик // Социальные и гуманитарные науки. Социология. Серия 11., 2000 г., № 4. С. 3-12.
5. Огурцов А.П., Тищенко П.Д. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. С. 25-29.
6. Быховская И.М. «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела / М.: Эдиториал УРСС, 2000.
7. Розин В.М. Как можно помыслить тело человека или на пороге антропологической революции // Философские науки. 2006. № 5. С. 33-53.
8. Культурология. XX век: словарь / сост. А.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
9. Леви Т.С. Категория «между» и пространство телесности / Т.С. Леви. Конф. «Тело: между жизнью и смертью». М., 11-13 октября 2005 г. // http://telesnost.ru/omega/psihologiya/kategoriya_mezhdu_i_prostranstvo_telesnosti.htm.
10. Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005. 731 с.
11. Газарова Е. Э. Психология телесности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 192 с.
12. Философия здоровья / под ред. О.Е. Баксанский И.К. Лисеев, Л.В. Фесенкова, Ю.В. Хен, А.Т. Шаталов (отв. редактор); Институт философии РАН. М., 2001. 330 с.

*Лариса Георгиевна ЧЕРЕМНЫХ —
аспирант Института проблем
освоения Севера СО РАН*

УДК 168.3

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО», «ОБОСНОВАНИЕ» И «АРГУМЕНТАЦИЯ»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена разграничению понятий «доказательство», «обоснование» и «аргументация» с точки зрения достижения необходимой терминологической строгости. Она восполняет известный пробел в задаче координации и субординации терминов, относящихся к теории доказывания.

The article is devoted to differentiation of concepts «proof», «substantiation» and «argument» from the point of view of achievement of necessary terminological severity. It fills a known blank in a problem of coordination and a subordination of the terms concerning the theory of prove.

Доказательство как культурное явление существует с древних времен. Возникнув в лоне античной юриспруденции, оно рассматривалось древнегреческими ораторами, в первую очередь, как разновидность аргументации, и осуществлялось в ходе некоторого коммуникативного процесса, а именно: судебного разбирательства. Спорящие стороны, опираясь на общепринятые нормы рассуждения и на определенные факты, свидетельства, документы пытались обосновать целесообразность своих поступков, убедить судей в правомерности своих действий. В этой судебной полемике, кроме совершенно ясной, лежащей на поверхности «субъективной» задачи — склонить на свою сторону судей, вызвать симпатию, было еще и наличие чего-то объективного, чуждого эмоциям и модальностям. Ведь, по сути, юридическая практика представляет собой уяснение и упорядочение хаотического нагромождения информации, существующей независимо от человека и его сознания. В этой ситуации участниками судебного процесса моделируется собственно исследовательская позиция, позиция поиска истины и одновременно позиция ее доказательного конструирования. Таким образом, в рамках юридической аргументации закладывался фундамент, на котором впоследствии строилась доказательная математика.

С возникновением доказательной математики произошло разделение терминов «доказательство» и «аргументация». Это событие оказало существенное влияние не только на науку, но и на все человеческое мышление. Математическое доказательство сумело порвать с абсолютизацией очевидности и веры как характеристик отношения знания, которым обладает человек, и мира, в котором он живет. Оно вводит понятия, не данные в опыте повседневной жизни людей. Благодаря этому происходит разрыв с очевидным, который предполагает развитие критического мышления. В связи с этим и форма аргументации стала претерпевать значительные изменения. Наряду с достоверным знанием, выводимым в процессе доказывания, стало признаваться вероятное знание, полученное в процессе обоснования. И хотя античные мудрецы не разграничивали эти понятия, называя их одним словом — силлогизм, разница в содержании доказательства и обоснования ими явно улавливалась [1].

Таким образом, доказательство уже на протяжении многих столетий идет рука об руку с аргументацией и обоснованием. Их взаимодействие на определенных этапах исторического развития было настолько велико, что порой приводило к полному растворению друг в друге. Да и в современных толковых словарях и справочных пособиях общего типа «доказательство» используется практически как синоним терминов «аргументация» и «обоснование». Как отмечалось, четкое их разграничение не всегда имеет место в научной, в том числе логической литературе [2; 22].

Но возможно ли в принципе разграничить рассматриваемые термины, отнести их к понятиям с разным содержанием и объемом? В научной литературе та или иная четкая координация и субординация терминов, относящихся к теории аргументации, до сих пор отсутствует. Так, например, в первом издании философского энциклопедического словаря понятие «аргументация» вообще отсутствует, в то время как термин «аргумент» рассматривается, при этом понимается как относимый к доказательству. Но уже во втором издании словаря дано

определение понятия «аргументация», и в нем доказательство рассматривается как объективно сильный вариант аргументации [3; 27]. Представляется очевидным, что любые характеристики рассматриваемых понятий (не говоря уже о строгих дефинициях), апеллируя к научным и языковым традициям, в то же время должны включать в себя значительный элемент терминологической условности [4; 111].

Аргументация — это способ подведения оснований под какую-либо мысль или действие с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них, признания или разъяснения [5; 27]. Доказательство представляет собой логический процесс, заключающийся в обосновании истинности того или иного положения с помощью других положений, истинность которых уже установлена ранее [2; 9]. Обоснованием же принято считать такую процедуру, посредством которой некоторому высказыванию сообщается определенная степень вероятности [5; 167]. Основной целью аргументации является убеждение, тогда как задача обоснования — получение вероятного знания, а доказывания — установление истины. Доказательство и обоснование являются возможными формами аргументации.

Сопоставляя доказательство с обоснованием, некоторые теоретики аргументации считают, что эти понятия практически тождественны. Так, по мнению И. Свинцова, доказательство можно толковать как вполне совершенную форму обоснования, обоснование же — как незавершенное, редуцированное, неполное, усеченное доказательство [5; 168]. По нашему мнению, использование понятия доказательства в широком смысле слова (как любое обоснование) является неточным. Всякое доказательство есть обоснование, но далеко не каждое обоснование есть доказательство. При всей близости этих понятий обоснование все же не исключает известных градаций, что как раз характерно для вероятности (можно говорить о более или менее обоснованном высказывании), тогда как относительно доказательства это было бы неверно (более или менее доказанным высказывание быть не может, — оно либо доказано, либо нет). Иными словами, различие между доказательством и обоснованием допустимо усматривать в оценке получаемого посредством соответствующих процедур знания как в одном случае достоверного, в другом — вероятного [2; 9].

Термин «обоснование» был предложен в одной из работ по математической логике для обозначения нестрогого вывода [5]. Но он приемлем и для обозначения более широкого класса процедур, охватывающих не только вероятные выводы, но и логически строгие умозаключения, если в качестве их посылок выступают не истинные, а вероятные суждения. Как известно, заключение в таких выводных операциях также будет лишь вероятным [5; 167].

Термин «обоснование» имеет непосредственную связь с термином «основание». В логической литературе термин «основание» часто употребляется как синоним термина «аргумент». Так поступает, в частности, В.Ф. Асмус, который раздел своей книги, посвященный аргументам, озаглавил «Основания доказательства (аргументы)» [6; 19]. В этом случае обоснование нередко понимается как приведение основания (аргументов) в подтверждение тезиса. Если исходить из того, что подтверждение тезиса и есть доказывание его истинности, то при таком понимании не делается различия между доказательством и обоснованием, так же как между основанием и аргументом.

Аргументация начинается с рассмотрения определенного положения; в логике эту функцию выполняет тезис доказательства или тезис обоснования. Здесь проявляется некоторая общность аргументации, доказательства и обоснования.

Положение, которое аргументируется, также можно назвать тезисом. Оно — тезис аргументации. Однако нельзя не усматривать различия между тезисом доказательства, тезисом аргументации и тезисом обоснования. В первом случае целью доказательства является установление истинности тезиса. Во втором случае, помимо установления истинности аргументируемого положения, обосновывается также целесообразность его принятия, его важное значение в данной жизненной ситуации и т.д. В третьем случае некоторому высказыванию сообщается определенная степень вероятности [2; 9].

Для того, чтобы доказать истинность тезиса аргументации, необходимо выдвинуть определенные соображения, привести факты, доводы в пользу рассматриваемого положения. Все это можно назвать аргументами, как это и делается в теории аргументации. Отметим, что понятие «аргумент» применяется также в логическом учении о доказательстве. «Все положения, на которые опирается доказательство, и из которых — при условии их принятия или признания истинными — необходимо следует истинность доказываемого тезиса, называются основаниями, или аргументами доказательства» [6; 19]. В качестве аргументов доказательства В.Ф. Асмус указывает следующие: положения об удостоверенных единичных фактах; определения; аксиомы и постулаты; доказанные ранее данной наукой положения или теоремы [6; 19]. В данном случае можно отметить некоторое расхождение в использовании термина «аргументация» в логике и теории аргументации. Здесь «аргумент» понимается шире, чем в логике.

Чтобы отличать доказательство как аргумент от доказательства как процесса установления истинности тезиса, в последнем случае иногда применяют термин «доказывание». Это понятие точнее выражает смысл процедуры подтверждения истинности какого-либо положения.

В процессе аргументации «аргумент» понимается шире, чем в доказательстве (доказывании). Если в последнем мы имеем дело с целым рядом взаимосвязанных утверждений (аргументов), из которых с логической необходимостью вытекает наш тезис (поскольку приведенные утверждения являются достоверными, считается доказанным и тезис), то в процессе аргументации с помощью одних аргументов устанавливается истинность тезиса, с помощью других — обосновывается целесообразность его принятия, демонстрация его преимуществ по сравнению с другими подобными утверждениями, предложениями и т.п. [2; 31].

Целесообразно также отличать основания от аргументов. В процессе аргументации термин «аргументы» возможно применять для обозначения тех суждений, из истинности которых вытекает истинность доказываемого тезиса; термин «основания» — для обозначения тех суждений, посредством которых обосновывается тезис аргументации или то или иное положение в процессе аргументирования.

Аргументы и основания в совокупности можно назвать исходными посылками или предпосылками, составляющими фундамент аргументации. Это обстоятельство признается многими теоретиками аргументации. По мнению Х. Перельмана, «вся аргументация зависит от ее предпосылок, ... от того, какая из них является приемлемой, какая признана как истинная, как нормальная и вероятная, как правильная» [7; 156].

Как в аргументации, так и в доказательстве и обосновании необходимо не просто наличие всех компонентов, а их связь в единую систему. В отсутствие такой связи ни одна из форм аргументации не сможет выполнить своей основной функции — превратить неявное в явное, сделать собеседника своим единомышленником по обсуждаемому вопросу. Еще Л. Фейербах отмечал, что «...доказательство есть лишь средство, при помощи которого я лишаю мои мысли

индивидуальной формы, чтобы другой мог усмотреть их как его собственные мысли» [8; 66-67]. Следовательно, процесс доказывания следует рассматривать не просто как интеллектуальную операцию субъекта познания, а как диалог размышляющих субъектов, цель которого — убедить другого, принять чужие аргументы как собственные. Здесь доказательство выступает в качестве средства убеждения в истинности тех или иных суждений.

Поэтому в различных областях знания к логико-методологическим критериям, на основании которых квалифицируется доказательство, добавляется весьма широкий диапазон прагматических характеристик, которые включают, с точки зрения логики, «размытые», «неопределенные» и т.п. предикаты, приобретающие в сфере коммуникации первостепенное значение. Достижение прогнозируемого коммуникативного эффекта делает правомерными «нестрогие» вопросы типа: насколько доступна для реципиента аргументация, насколько она для него весома, сильна, убедительна и т.д. Это выдвигает актуальную проблему выбора предпочтительных аргументационных процедур из некоего набора известных приемов (методов, средств), применяемых при конструировании сообщения [6; 23].

Необходимость коммуникативного диалога особенно остро ощущается в юридической практике. Но, как справедливо заметил Я.С. Яскевич, сейчас становится ясно, что не только уникальные объекты гуманитарного знания с их неповторимостью, «непрозрачностью», «человеческим миром», но и объекты современной математики с их сложным смысловым содержанием, высокоабстрактной конструктивностью, со снятой в их содержании «сделанностью» и «смыслопорождением», математическими формализмами, лишенными наглядности и очевидности, нуждаются в «расшифровке», «раскодировке» их научных смыслов, распределении и реконструкции познавательной деятельности, обусловившей рождение концептуальных образований, схем, что и создает предпосылки для их доказывания, преодоления коммуникативных противоречий и принятия научным сообществом [9; 29].

Таким образом, судьба как математического, так и юридического доказательства зависит не только от степени логической обоснованности, но и от умения привлечь наряду с логическими аргументами, имеющие социокультурную природу. Без этой важной составляющей аргументация может быть не воспринята обществом. Ведь логически четко обосновать какую-либо идею еще не означает убедить в ее приемлемости. Иногда для доказательства или обоснования новой нестандартной идеи необходимо сломать устоявшиеся стереотипы и убеждения. Но к такой ломке готовы далеко не все ученые и юристы. История науки и права свидетельствует, что доказательства, хорошо аргументированные с формально-логической стороны, но недостаточно убедительные с точки зрения их психологического восприятия, могут остаться незамеченными [10; 68-72]. По образному замечанию А.И. Герцена: «Люди думают, что достаточно доказать истину как математическую теорему, чтобы ее приняли; что достаточно самому себе верить, чтобы другие поверили: выходит совсем иное» [11; 326].

Процесс доказывания как в юридической практике, так и в математике включает в себя не только логические, но и мировоззренческие, прагматические и этические аспекты. Здесь проявляется сходство между формальным математическим и неформальным юридическим доказательством. Однако некоторые ученые придерживаются мнения, что понятие логического в юридической аргументации понимается иначе, чем в формальной логике. На это обстоятельство обращает внимание Х. Перельман. Согласно его концепции, доказательство не представляет единого лица мира, а изменяется в соответствии с теми сферами

и случаями, где оно применяется [12]. В своих трудах Перельман отмечает, что учения о доказательстве в формальной логике и теории аргументации различны. Многие доказательства, применяемые в юриспруденции и философии, не могут считаться соответствующими логике в точном смысле этого слова. Логика должна дополнить свою теорию доказательства теорией аргументации с учетом средств доказательства, которыми пользуются в гуманитарных науках, юриспруденции, философии. Они должны анализировать аргументацию, к которой прибегают юристы при ведении дел в суде, философы в своих трактатах [7; 142].

Говоря о формальной логике, Перельман имеет в виду математическую или символическую логику, где доказательство подчиняется строгим формальным правилам. В аргументации же доказательство должно носить неформальный характер. Таковым должно быть доказательство во многих случаях жизни, ибо практический разум, которым мы руководствуемся в различных видах деятельности, ближе к мышлению судьи, чем математика. Поэтому моделью доказательства в аргументации должна быть не формальная логика, а юридическое рассуждение. В отличие от традиционного доказательства, которое может быть правильным или неправильным, юристы ограничиваются правдоподобными посылками, и сами аргументы могут быть сильными или слабыми, уместными или неуместными, эффективными или неэффективными [7].

Еще более категорично мнение Э. Беттингхауса, не просто противопоставляющего юридическую логику математической, а отрицающего вообще роль логики в аргументации. По его мнению, наиболее серьезной причиной отказа от логической модели является то, что при публичном выступлении нет особой разницы, имеем мы логическую модель или нет. Важно придать речи вид логичности, если даже речь и не является таковой фактически [13; 147].

На наш взгляд, такое противопоставление математического и юридического доказательства вызвано, прежде всего, односторонним пониманием природы логического в рассуждении. Юридическое доказательство, как и математическое, должно обладать всеми необходимыми атрибутами логического доказательства, в том числе истинностью аргументов, последовательностью доказывания и правильностью формы доказательства. Другой вопрос, что каждая предметная область накладывает свой специфический отпечаток, и этот отпечаток часто проявляется в виде дополнительных требований к логическому доказательству [2; 44]. Однако эти требования не заменяют собой характерные черты логической природы доказательства, а дополняют их в тех случаях, когда доказательство применяется в области права.

Как справедливо заметил Г.А. Брутян: «Когда мы говорим о месте логического в рассуждении, не конкретизируя область последнего, то вряд ли в этом случае мы должны иметь в виду символическую или математическую логику. В этом случае следует иметь в виду прежде всего логику, основанную на естественном языке. В настоящее время, когда исключительно интенсивно развивается изучение логического мышления, созданы и создаются разные логические науки и, тем более, логические системы, их можно классифицировать по-разному. Правомерным является также деление логических наук (или логических систем) на два класса — на логику естественного языка и логику искусственного (символического) языка» [2; 41].

Рассматривая роль логики в юриспруденции, мы прежде всего должны иметь в виду логику естественного языка. При этом и «математическая», и «юридическая» логика одинаково значимы и не могут существовать друг без друга, поскольку в любой доказательственной деятельности применяются как элементы

логики искусственного (символического) языка, так и логики естественного языка. Их взаимодействие не зависит от предметной области, поскольку и в юриспруденции, и в математике к доказательству предъявляются одинаковые требования. Оно должно быть логичным и убедительным. Юридическое и математическое доказательство можно сравнить со сторонами одной монеты (изображение разное — суть одна). Поэтому все попытки свести юридическое доказательство исключительно к аргументации и лишить его логического составляющего кажутся не вполне обоснованными.

Итак, возвращаясь к вопросу о соотношении понятий доказательства, обоснования и аргументации, допустимо рассматривать доказательство и обоснование как возможные формы аргументации, имея, однако, в виду принципиальную несводимость последней к двум первым. Эта несводимость объясняется прежде всего тем, что даже тогда, когда содержанием аргументации становятся процедуры доказывания и обоснования, они обрастают большим слоем надстроечных элементов, зачастую оказывающих решающее воздействие на коммуникативный эффект. Хотя нельзя отрицать, что в некоторых случаях логические средства выступают как самодостаточные и убедительные, т.е. дополнительных внелогических средств не требуется. Если такую убеждающую функцию выполняет доказательство, то «процесс аргументации переходит тем самым в процесс доказательства. В этой связи доказательство можно условно представить как «вырожденный случай» аргументации, а именно как такую аргументацию, внелогические компоненты которой стремятся к нулю» [14; 61].

Аргументация возникает и служит для убеждения людей. Нет сферы межчеловеческого интеллектуального общения, где человек не аргументировал бы свою точку зрения, хотя бы и силой. Доказательство и обоснование являются важными компонентами аргументации. Однако ими далеко не исчерпывается ее содержание и форма. Как справедливо заметил И.С. Нарский, «теоретическая аргументация бывает чрезвычайно разнообразной» [15; 37]. Именно такое разнообразие различных видов и типов аргументации затрудняет не только формализацию определенных их фрагментов, но и создание общей теории. Поэтому доказательство признается основным способом рационального мышления, применяемого в науке и праве. Знание, обоснованное с помощью доказательства, является объективно истинным. Поэтому математики и юристы, имея в виду надежность этого типа рассуждения, вынуждены именно доказывать выводы, к которым они пришли в процессе познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганопольский М.Г., Черемных Л.Г. Формирование культуры доказательственного мышления в античном диалоге математики и права // *Философские исследования*. 2005. № 3-4.
2. Брутян Г.А. Аргументация. Ереван, 1984.
3. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1988.
4. Попа К. Теория определения. М., 1976.
5. Свинцов В.И. К вопросу о соотношении понятий аргументация, доказательство, обоснование // *Философские проблемы аргументации*. Ереван, 1986.
6. Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954.
7. Perelman, Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*. L., NY., 1963.
8. Фейербах Л. К критике философии Гегеля // *Избранные философские произведения* в 4 т. Т. 1. М., 1955.
9. Яскевич Я.С. Аргументация в науке. Мн., 1992.
10. Александров П.С. Математические открытия и их восприятие // *Научное открытие и его восприятие*. М., 1971.

11. Герцен А.И. Соч. Т.3. М., 1956.
12. Perelman, Ch. Logic and Rhetoric. «Modern Logic», 1980.
13. Perspectives on Argumentation // ed. By G. R. Miller and T.R. Nilsen. Chicago, 1966.
14. Асатрян М.В. Экстраполяция и аргументация // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986.
15. Нарский И.С. Роль антиномий-проблем в процессах теоретической аргументации. // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986.

*Давид Николаевич БУКАРИНОВ —
соискатель кафедры гуманитарных дисциплин
Тюменской государственной академии
культуры и искусств*

УДК 165.12

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Обосновывается применимость синергетического принципа в философских исследованиях современного научного знания в связи с тем, что научное знание организовано в соответствии с принципом, по которому отражается его предмет, и в соответствии с которым находятся условия, когда теория не проверяется.

The application of synergetic principle in philosophical researches of the modern scientific knowledge is substantiated in article. It is highly reasonable because scientific knowledge is organized in accordance with the principle upon which the reflection of the object, and also in accordance with those conditions, when the theory cannot be examined.

Современная теория познания в области естественнонаучной деятельности характеризуется тем, что постоянно приводится в соответствие рассматриваемыми объектами. В связи с этим возникла необходимость философского обоснования этого явления.

Применение синергетического принципа в современной гносеологии оправдывается сложностью научного познания как объекта исследования. В условиях феноменологической редукции рассматривалась только данность, какой она представляется без проникновения в научную теорию. Поскольку не было иного метода верификации теории, появилась необходимость поиска тех условий, при которых теория не подтверждается. Такая идея возникла в исследованиях К. Поппера и была развита П. Фейербендом. Познавательная деятельность сама, таким образом, стала предметом философского анализа.

Сегодня ясно, что научное знание организовано в соответствии с принципом, которому подчинен его предмет. При этом каждая картина мира содержит более общее выражение этого познавательного процесса, который в каждый отдельный момент выражает то, что представлено на данной стадии его становления. В этом отношении синергетический принцип применим к познавательному процессу в той мере, в какой он относится к рассматриваемым предметам теоретического знания.

Научное знание развивается как сложный организованный системный объект. В современной гносеологии синергетический принцип является принципом,